

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ЕВГЕНИЙ НОВИЦКИЙ

Мертвая
СУЕТА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н73

Новицкий, Евгений Игоревич.

Н73   **Мертвая сцена / Евгений Новицкий. —**
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168971-1

Начало шестидесятых. Успешный кинорежиссер Устин Уткин был очень недоволен, когда к нему на дачу заявился его бывший однокашник по ВГИКу Нестор Носов, с которым он не виделся много лет. Когда-то Устин женился на невесте Носова, у которого после этого вся жизнь пошла кувырком. На следующий день к своему ужасу хозяин обнаружил гостя в сарае застрелившимся из самодельного ружья. Уткина арестовали по подозрению в убийстве. Это стало для него началом настоящего кошмара. Вдобавок ко всему на следствии жена режиссера сделала неожиданное заявление, повергшее в недоумение даже выдавших виды оперативников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168971-1

© Новицкий Е.И., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

I

Он появился как будто из ниоткуда. Я услышал стук в ворота, подошел, отпер их... Я сразу узнал его. И очень удивился. Думаю, никогда еще так не удивлялся.

— Узнаешь? — спросил он вместо приветствия.

Я только с ошеломленным видом кивнул.

— К тебе можно? — задал он следующий вопрос.

Я снова кивнул — и посторонился, пропуская его во двор дачи.

«Зачем он здесь? — размышлял я, уже кипятя на веранде воду, чтобы угостить его чаем. — Спустия столько лет! Где он пропадал все это время? И почему вдруг заявился ко мне?»

Не скрою, я был настолько ошарашен его внезапным появлением, что поначалу оказался не в силах обращаться к нему с вопросами и вообще говорить с ним.

Сейчас сам все расскажет, успокоил я себя и уже расслабленно присел напротив него, предварительно сунув ему под нос дымящуюся чашку с чаем.

— А ты? — показал он рукой на свой чай.

— Я только что пил, — соврал я.

— Ну ладно, — пожал он плечами.

Возникла пауза, которая с каждой секундой казалась мне все невыносимее.

— Так... какими судьбами? — наконец выдавил я.

— Сам знаешь какими, — неожиданно ответил он, а затем глубоко вздохнул.

Я даже вздрогнул от его ответа, показавшегося мне до крайности нелепым. Но тут же взял себя в руки и хмуро заметил ему:

— Я ничего про тебя не знаю... не знал. Где ты, собственно, был?

— Тебя это действительно волнует? — поднял он на меня свой до боли знакомый тяжелый взгляд.

— Может, хватит говорить загадками? — поморщился я.

— Какие загадки? — Тут он словно бы смутился. — Нет-нет, никаких загадок... Просто я случайно тут оказался и так же случайно узнал, что ты здесь живешь. И вот зашел...

— А как можно случайно тут оказаться? — нервно усмехнулся я.

— Я был у друзей... у знакомых, — пробурчал он. — Они уехали, а меня забыли.

Этот ответ, как ни странно, показался мне убедительным. Да, только с ним могло случиться то, что его забыли...

— Уехал бы один, — тем не менее сказал я. — Показать, как к автобусной остановке выйти?

— Да я и сам знаю, — отмахнулся он и вдруг оживился: — Слушай, а ты ведь здесь один сегодня?

— Как видишь.

— Так, может, я у тебя переночую?

Я напрягся. Хотел было отказать, но вдруг черт дернул меня, и я согласился.

— Ну оставайся, — вяло промолвил я.

— Спасибо! — Тут он неожиданно широко улыбнулся. Мне даже не по себе стало.

— Хорошо, пошли, — поднялся я со стула.

Мы покинули веранду, и я проводил его в дом.

— Вот здесь можешь устроиться, — сказал я, приведя его в маленькую комнату с кроватью.

— Это что — комната для гостей? — осмотрелся он.

— Можно и так назвать.

— А ты где будешь спать?

— Я здесь — в большой комнате, на своем обычном месте. Вон на той кровати.

— И больше в доме комнат нет? — Он был как будто оскорблен размерами моей дачи.

— Как видишь.

— А я слышал, ты очень преуспел.

— Как сказать, — усмехнулся я. — Во всяком случае, судить о преуспевании по количеству комнат в дачном доме...

— Понял-понял-понял, — взмахнул он руками. — Прижучил! Как всегда, прижучил!

— И в мыслях не было, — растерянно хмыкнул я.

До ночи оставалось еще несколько часов, так что я решил занять это время хозяйственными хлопотами. «Заодно избавлюсь от ненужных разговоров с незваным гостем», — подумалось мне.

Но гость почти не докучал мне. Уж не знаю, чем он там занимался, только пару часов я его не слышал и не видел. Лишь раз он подошел ко мне, пока я отдыхал под яблоней, и протянул какую-то железяку:

— Видел подобную штуку?

Я недоуменно взял ранее невиданный предмет и стал вертеть, пытаюсь разобраться, что это такое.

— Не знаешь?! — со странной веселостью выкрикнул гость.

— Что не знаю? — сухо спросил я.

— То, что ты сейчас держишь в руках!

— Понятия не имею, — пожал я плечами.

— Эх ты, — с укоризной сказал он и, вздохнув, забрал железку. — Это ведь ружье!

Мне стало неприятно, как мне тогда показалось, оттого, что я не угадал предмет.

— Ружье, — хмыкнул я и тут же встрепенулся: — Ты его здесь нашел, что ли?

— Я его сам сделал, — с гордостью произнес он.

— Зачем оно тебе? — неприязненно покосился я на гостя.

— Для охоты, конечно, — фыркнул он, а затем воскликнул: — А разве дача не твоя?

— Недавно купил. Поэтому и не знаю, что здесь могло остаться от прежних хозяев... Думал, ты в сарае нашел...

— То есть ты, значит, не охотник?

— Я удивляюсь, что ты, оказывается, охотник, — с недоверием взглянул я на него.

— Поскитался бы ты с мое, — усмехнулся он, — не только охотником и рыболовом, а может, и преступником бы стал.

— Но ты-то, надеюсь, не стал? — через силу улыбнулся я, полагая, что гость шутит.

— Пока нет, — загадочно ответил тот.

— А где же ты... скитался? — спросил я после паузы.

— По всему Союзу, — кратко сказал он.

Решив прекратить дальнейшие расспросы (тем более что судьба Носова была мне малоинтересна), я удалился в дом, оставив гостя сидеть со своей самоделкой под деревом.

В следующий — и последний — раз мы с ним заговорили уже за полночь (ужинали мы практически в полном молчании).

Погасив на ночь свет и улегшись в свою постель, я не менее часа слушал, как ворочался и вздыхал досужий гость.

«Надо было не пускать его!» — мысленно укорял я себя.

Наконец гость затих, однако я все равно не мог уснуть. Настал мой черед ворочаться.

— Устин! — негромко вдруг окликнул меня гость из своей кровати. Впервые за сегодня он обратился ко мне по имени.

— Что? — бесстрастно спросил я.

— Не спишь?

— Нет.

— Забыл спросить... А как там Алла?

— С ней все в порядке, — ответил я после паузы.

— Вы с ней так и остались вместе?

— Ну да.

— Ясно, — сказал гость и вновь глубоко вздохнул.

После этого он замер и лежал не шелохнувшись. Уж не знаю, спал или притворялся.

Я же, к своему неудовольствию, окунулся мыслями в наше общее с ним прошлое...

Мы с Носовым учились во ВГИКе. На режиссеров. Алла была студенткой актерского факультета — параллельного нашему. Почти с самого начала обучения наши факультеты тесно сотрудничали: режиссеры ставили учебные сценки, естественно, с помощью однокашников-актеров. Носов, как он сам мне потом рассказывал, влюбился в Аллу с первого взгляда. И тут же предложил ей главную роль в первой же своей ученической сценке — кажется, фрагменте «Грозы» Островского. На какое-то время Носов и Алла сблизились. Он завел обыкновение провожать ее домой после занятий. Вроде бы они виделись и по выходным...

Но тут внезапно вмешался я. Я тоже влюбился в Аллу, хотя и не сразу. До поры до времени я ее как будто не замечал. Пожалуй, прежде всего из-за того, что о ней без конца трещал Носов. Носова я считал (и, по-моему, справедливо) человеком, начисто лишенным какого-либо вкуса. Так что первое время я с постыдной опрометчивостью полагал, что предмет его страсти не может иметь никаких достоинств. Я даже не давал себе труда как следует взглянуть в этот предмет...

Но однажды-таки взгляделся. Как-то раз — не вспомню уж, при каких обстоятельствах, — мы с Аллой остались наедине на полчаса в пустом вгиковском коридоре. То ли какого-то преподавателя ждали, то ли еще что... Естественно, почти сразу мы заговорили о Носове.

— Носов от вас без ума, — серьезно поведал я Алле.

— Да, я знаю, — спокойно ответила она, потупив глаза.

— И есть от чего! — неожиданно для себя самого выпалил я.

Девушка подняла на меня огромные красивые глаза — немного печальные, как мне показалось.

— Вы так думаете? — с интересом спросила она.

— Конечно, — почему-то прошептал я и, по моему, покраснел. — А как, кхм, как он вам? — быстро добавил я, чтобы скрыть смущение.

— Он хороший, — сказала Алла.

А я возликовал. Уже тогда я понимал, что когда красивая девушка говорит про кого-то: «он хороший», значит, у этого «хорошего» нет никаких шансов на роман с ней.

«Однако почему я ликую? — мысленно пожурил себя я. И тут же себе признался: — Да потому что эта Алла — великолепно, восхитительна... Как же я раньше этого не замечал?!»

— Кстати, Алла, — промолвил я, понизив голос, — у меня как раз сейчас есть чудная роль для вас.

— В очередном жалком фрагментике? — усмехнулась девушка.

— Я надеюсь, что этот фрагментик вырастет в мою дипломную работу, — нашелся я.

— Ого! — с одобрением посмотрела на меня Алла. — Вот роли в кино мне еще не предлагали. Даже в студенческом.

— Ослы! — презрительно фыркнул я. — И куда они только смотрят?

— Вы про кого сейчас? — хихикнула девушка.

— Да про всех этих пырьевых и юткевичей! Они просто обязаны были давным-давно засыпать вас ролями, причем главными.

— Вы так преувеличенно льстите, — медленно начала Алла и быстро закончила: — Что мне это даже нравится!

— А мне нравитесь вы, — улыбнулся я и придвинулся к ней поближе.

— Нестор этого не одобрит, — слегка побледнела девушка. Однако не отстранилась.

— К дьяволу Нестора! — воскликнул я — и вдруг припал губами к ее очаровательному алому рту.

Никогда ни до, ни после я не совершал таких же смелых поступков, как этот. С того дня — и на многие годы — мы с Аллой стали неразлучны.

С легкой досадой, оттого что сейчас это уже не совсем так, я наконец-то заснул.

Проснулся я снова с мыслями о Носове. Неужели он до сих пор думает об Алле, вспоминает ее?.. И до сих пор ненавидит меня?.. Как он мне тогда выкрикнул на выпускном: «Я тебя ненавижу!» Смех, да и только. К счастью, после окончания учебы мне с ним видеться не приходилось. Буквально до вчерашнего дня.

Однако я, конечно, был в курсе, что никаким режиссером он не стал. Какие-то слухи о нем доходили, кто-то там что-то о нем рассказывал, но я даже не вслушивался. Вроде бы он не смог прижиться в Москве, найти тут хоть какую-то работу, потом уехал на свою жалкую малую родину — я сейчас и не вспомню, из какой он там глухомани. Вроде бы работал в своей глухомани чуть ли не сторожем, вроде бы так и не женился... Короче, классический неудачник.

И вот наши дороги вновь пересеклись. Кто бы мог подумать... Вот такой внезапной встречи с ним я ожидал меньше, чем с кем-нибудь еще. Знакомство с Хичкоком или, не знаю, Антониони и то было бы более ожидаемым. И какой же он теперь нелепый! Еще больше, чем раньше. С ружьем этим идиотским. Охотник и бродяга. Радж Капур советского разлива. Авара я, авара я, никто нигде не ждет меня...

Все-таки интересно, по-прежнему ли он на меня зол?.. На самом-то деле он должен быть мне по гроб жизни благодарен. Во-первых, я избавил его от возможности (пусть ничтожной) жениться на Алле. Во-вторых, что это была бы за пара. Да он через месяц жизни с ней повесился бы. От сознания своей мизерности и полнейшего несоответствия такой шикарной женщине, как она. Во-вторых, я подарил ему роскошный мотив для оправдания. Оправдания всей его незадавшейся жизни. Так и представляю, как он не раз, не два, не десять и даже не сто рассказывал каждому встречному-поперечному что-нибудь такое: «А ведь и я, вы знаете ли, любил... Любил безумно, страстно — единственный раз в жизни! Любил самую лучшую девушку на свете! И у нас бы с ней обязательно все-все получилось, и мы непременно были бы безмерно счастливы... Но увы! Между нами встал некий подлец, негодяй. Он совратил наивную Аллу, нашептал и наобещал ей всякого, увел от меня! И вот вы видите, что теперь со мной. Я самый несчастный человек на Земле. Мне уже ничего не нужно. Женщины для меня не существуют — я знаю им цену. Если даже лучшая из них оказалась такой слабой, такой... предательницей, что же требовать с остальных?.. К работе

после этого случая я тоже потерял интерес. Я мог бы стать — и наверняка стал бы! — великим гением кинематографа. Эйзенштейн был бы передо мной щенок. Но мое разочарование, моя, не побоюсь этого слова, колоссальная трагедия лишили мир потенциально великого кинохудожника. Поделом же вам, люди, поделом вам, женщины, поделом, все подлецы, негодяи и негодяйки планеты!..»

Я едва не расхохотался вслух от этого мысленного перевоплощения в Носова — довольно правдоподобного, надо сказать.

Но я зажал рот рукой и покосился в сторону маленькой комнатки. Он, кажется, еще спит. Вот и пусть спит. Надеюсь, выспится — и наконец-то уберется восвояси. Чтобы теперь-то уж точно никогда больше не появиться перед моими глазами.

Полежав еще немного, я встал, оделся и осторожно подошел к двери в соседнюю комнатку.

О, так его уже нет! Сам свалил. Да, это единственный его умный поступок за последние сутки. Если не за всю жизнь.

Я с брезгливостью скомкал постельное белье, оскверненное касаниями Носова, и швырнул его в большую корзину. Постираю в городе — в стиральной машине.

Настроение постепенно стало улучшаться. Я даже принялся насвистывать. Включил радио, прибрался в доме. Не прибраться ли заодно в сарае? Пошел туда. Отворил скрипучую дверь — и едва не закричал от ужаса. Бездыханный Носов лежал в сарае навзничь. На рубашке его расплылось огромное буро-красное пятно.

Я на ватных ногах вышел из сарая, зажимая рот рукой, и медленно затворил за собой дверь.

Мысли путались. Носов... Застрелился... У меня в сарае... Вот сволочь...

Да, конечно, он нарочно так сделал. Спланировал. Давно уже, видно, принял решение покончить жизнь самоубийством и вот наконец осуществил его. Но не сдох тихо и мирно в своей глубинке, а разыскал меня, чтобы... чтобы... что? Чтобы меня подставить! Ну конечно! Впутать меня в историю. Навлечь на меня неприятности. Наконец-то отомстить мне спустя столько лет.

Ладно, в его гнусных мыслишках разбираться нет смысла. Сам он уже никогда ничего не подтвердит и не опровергнет. Сейчас важно другое. Что, что важно?.. Тьфу, черт, совершенно потерял возможность соображать. То есть способность соображать! «Способность» и «возможность» — как правильно?

Стоп, стоп. Спокойствие, только спокойствие, как говорил шведский человек, про которого переводила Лилианка Лунгина... Это Алла так ее зовет — это ведь ее подруга. Я-то с ней шапочно знаком, а муженька ее вовсе не перевариваю. Вместе с его соавтором Нусиновым. Слишком много о себе мнят. Надо было вообще не обращаться к ним с предложением стать моими соавторами. «Мы пишем только вдвоем — без режиссера!» Глядите, какие принципиальные! Вернее, псевдопринципиальные, ведь Лариску Шепитько они потом-таки взяли в соавторы. Сделали одолжение...

Ох, ну о чем я вообще думаю сейчас! Может, это защитная реакция такая?.. Что делать, что делать, что

же делать?.. Так. Так-так. А может... может, ничего не делать? То есть как это ничего? Что-то нужно предпринять. Только вот что? Звать милицию, конечно!

Ну нет, в милицию никак нельзя. Если на студии узнают (а узнают обязательно!) об этой пакостной истории, то мою картину тут же закроют. Немедленно. Безо всяких разговоров. Над ней и так с самого начала дамоклов меч висит. Как там этот мудрец Сурин прочирикал... «Вы хотите снять несоветский фильм!» Вот ведь радетель за все советское выискался! Воображаю, как он обрадуется, когда узнает о том, что в моем сарае застрелился бывший однокашник. «Вы с ним вместе учились, хе-хе? И вот через десять лет он разыскал вашу дачку, хе-хе? И там покончил с собой, хо-хо? Из-за бабы, ха-ха? Из-за заслуженной то бишь артистки Аллы Лавандовой, хы-хы?!»

Ну нет. Не доставлю ему такого удовольствия. Ни ему, ни всем остальным. Никто ничего подобного никогда не скажет!

То есть что это я? Не стану заявлять?.. Ну, конечно, не стану. А как тогда?.. А никак. Кому он нужен, этот Носов? Он и живым никому не был надобен, а уж мертвым и подавно. Да-да, с вероятностью девяносто девять и девять его никто не хватится. То, что он здесь у кого-то гостил, разумеется, чушь. Он оказался здесь исключительно из-за меня. И его, возможно, даже никто тут не видел. Никто кроме меня. А если еще кто и видел, то едва ли запомнил. И, уж конечно, никто из моих соседей его не спохватится.

А если спохватится кто-то из его родственников? Вот хоть убей, не могу сейчас вспомнить, говорил ли он хоть когда-нибудь о своей семье, своих родите-

лях?.. Нет, не помню. Допустим, даже кто-то у него есть. Но не оставил же он им записку, что едет ко мне для самоубийства...

Одним словом, решено. Я никому ничего не скажу. И очень скоро кошмарная история забудется. Вот только труп. Как быть с трупом?..

Я вновь подошел к сараю — и с замиранием сердца заглянул в щель между досками. Лежит. По-прежнему лежит. Хм, как будто он может вдруг взять и встать.

Не закопать ли его прямо там — в сарае? Все равно я им не пользуюсь. И не надо будет никого никуда перетаскивать. Эта мысль показалась мне здоровой. В тот момент мне бы и не такая мысль показалась здоровой.

Я собрал все свое хладнокровие, взял лопату и пошел в сарай. Руки тряслись, но я все-таки выкопал яму. С отвращением спихнул туда ногами Носова вместе с его ружьишкой — и стал спешно засыпать труп. Лишнюю землю я рассыпал по участку там и сям небольшими горстями.

А в сарае все стало почти как прежде. Земля такая же ровная. Сейчас еще можно заметить, что она свежескопанная, но думаю, что через несколько дней...

Впервые за сегодня я посмотрел на часы. Ого! Уже восемь вечера. Что же я так долго возился? Только сейчас я осознал, что за весь день не съел ни крошки и даже ни глотка воды не выпил. Вот и такое, значит, бывает.

Наскоро набив рот остатками своих запасов, я сел в машину — и рванул в город. Завтра ведь съемка...

Лишь когда я примчался домой, вбежал в квартиру и крепко обнял Аллу, то вздохнул свободно. Вернее,

мне только показалось, что свободно. Алла тотчас заметила во мне какую-то перемену, но сразу ничего не сказала. Начала, по обыкновению, беспечно щебетать с оттенком своей всегдашней иронии:

— Ну что, дачник, на славу потрудился?

— Еще бы, — попытался я ответить ей в тон. — Все в полном. Надеюсь, в следующие выходные уже поедем на дачу вместе.

— И я надеюсь. Хоть впервые за год из Москвы выберусь. Пусть только в Подмосковье... Ой, что это? — вдруг осеклась Алла, остановив на мне взгляд.

— А что такое? — якобы удивился я и даже оглянулся. Сделал попытку отшутиться, но попытка не удалась.

— На тебе лица нет, — недоуменно выговорила Алла, дотрагиваясь до моей щеки.

— Как это нет? — возразил я, прикасаясь к другой своей щеке. — По-моему, все на месте.

— Перестань, — поморщилась Алла. — Скажи лучше сразу: там что-то случилось, на даче? Или, может, по дороге?

— Да ничего не случилось, — с досадой ответил я и, помимо своей воли, встал и зашагал по комнате. — Все нормально... Просто устал, может быть...

— Да? — подозрительно спросила Алла.

— Ну да! — воскликнул я, наконец посмотрев ей в глаза.

— Ну хорошо тогда, — вроде бы расслабилась она. — А что у нас там завтра? — переключила она разговор на работу.

— А ты еще не готовилась? — делано возмутился я.

— Да что там готовиться, — отмахнулась моя любимая артистка. — Ты мне десять фраз написал на весь сценарий.

— Зато главная роль, — парировал я.

— Ты любую манекенщицу мог бы пригласить, — к Алле вернулся ее шуточный тон. — Она ничуть не хуже смогла бы сыграть. Ведь и играть особо ничего не надо. Ходи и... как ты там говорил?

— Ходи и являй собой красоту, — охотно напомнил я.

— Вот-вот, являй собой... Так что манекенщица, по-твоему, не справилась бы? Среди них очень хорошенькие попадаются.

Я умилился, подсел к Алле и обнял ее за плечи:

— Мне не нужны ни хорошенькие, ни даже очень хорошенькие. Мне нужна подлинная красавица. И с богатым внутренним содержанием. Словом, более подходящей кандидатуры на эту роль, чем ты, я во всем Союзе не найду.

— Горе ты мое, — нежно проворковала Алла и, не выпутываясь из моих объятий, запрокинула голову назад. Я тотчас припал горячими губами к ее бело-снежной шее.

Начались трудовые кинематографические будни. С каждым днем я все успешнее забывал о случившемся в минувшие выходные.

В пятницу мы досняли последнюю сцену и тем самым ровнехонько уложились в график. Я ликовал. Всю следующую неделю посвящу монтажу. Это моя любимая стадия в производстве фильма.

В субботу же утром мы с Аллой поехали на дачу. Она была здесь впервые. Я водил ее по участку, демонстрируя чуть ли не каждую травинку, тогда как пресловутый сарай будто не замечал.

В конце концов Алла сама обратила на него внимание:

— А это что за будка?

— Вот именно будка! — натужно рассмеялся я. — Надо будет, пожалуй, снести эту рухлядь. Зачем она нам?..

— А что там внутри? — любопытствовала Алла, приотворяя скрипучую дверь.

Вошли внутрь.

— Ну вот, — тупо сказал я, очертив рукой узкое пространство. — Как видишь, ничего особенного. Какие-то старые инструменты. Стол вот столярный. — Я пнул установленный напротив двери древний верстак.

— Да здесь не все такое уж старое, — протянула Алла. — Вот смотри — лопата совсем новая.

Моя любимая взяла лопату, а я похолодел. И как я мог оставить ее здесь?! Прямо, так сказать, на месте преступления. Если, конечно, тайное захоронение жалкого самоубийцы можно всерьез назвать преступлением.

— Лопата, конечно, новая, — честно сказал я. — В прошлую субботу как раз купил по дороге на дачу.

— А зачем? — любопытствовала Алла.

— Да так, думал, может, что-нибудь вскопать придется, — морщась, выдавил я.

— И что — пригодилась? Вскопывал что-нибудь? — не унималась моя возлюбленная.